

Раньше, когда Фан Чи наблюдал, как Сунь Вэньцзюй работает с керамикой, его внимание было сосредоточено не на самом процессе, а исключительно на человеке.

Сунь Вэньцзюй мог сидеть за гончарным кругом часами – и Фан Чи смотрел на него все эти часы. Но как именно создаются эти изделия, почему на маленькую вазочку уходит столько времени – об этом он никогда не задумывался.

Теперь, когда очередь дошла до него самого, он наконец понял, куда уходит столько времени.

Даже с такой простейшей тарелкой – после придания формы начинается бесконечная череда исправлений, сдавливаний, разглаживаний. Если бы не Сунь Вэньцзюй, с его уровнем мастерства (когда от одного прикосновения пальца на тарелке оставалась вмятина), – даже не за часы, а за несколько дней эту тарелку нельзя было бы отправить в печь.

Оказывается, работа Сунь Вэньцзюй – это занятие, которое сначала приносит немного удовольствия, а потом превращается в бесконечное испытание терпения.

Фан Чи смотрел на Сунь Вэньцзюй и, кажется, начал понимать, откуда у него эта невозмутимость, это умение сохранять спокойствие в любой ситуации и даже лениво-равнодушный взгляд на вещи.

Но одно он всё ещё не мог понять: как Сунь Вэньцзюй, обычно такой ленивый, умудрялся часами сидеть на месте, терпя боль в спине и плечах, и не шевелиться?

Характер у этого человека был слишком противоречивым.

– Зачем нужно так долго её мять? – Фан Чи, следуя за Сунь Вэньцзюем, продолжал сжимать и разглаживать тарелку. – Мне кажется, она уже гладкая и ровная.

– Если останутся пузырьки, при обжиге треснет, – ответил Сунь Вэньцзюй.

– А, – Фан Чи посмотрел на него. – Ты не устал?

После ужина они вернулись в комнату и продолжили работу над тарелкой. В бесконечных повторяющихся движениях по исправлению незаметно прошло больше двух часов.

– Привык, – сказал Сунь Вэньцзюй. – Даже если просижу так до утра, ничего не почувствую.

– Если постоянно так сидеть, заработаешь растяжение мышц спины, – Фан Чи постучал себе по пояснице. – Может, я тебе помассажирю...

– Прежде чем беспокоиться о моих мышцах, можешь сам проверить, в каком они состоянии, – усмехнулся Сунь Вэньцзюй.

– Как... чёрт, – Фан Чи рассмеялся. – Прямо сейчас?

– В твоём доме лучше вести себя прилично, – Сунь Вэньцзюй бросил на него косой взгляд. – Малыш внизу с факелом стоит наготове.

Фан Чи, смеясь, потянулся: – Тогда хоть спину тебе разомну?

– Позже, – Сунь Вэньцзюй тоже потянулся. – На сегодня хватит. К тому времени, как ты вернёшься в университет, закончим.

- Не может быть, - Фан Чи опешил. - Я думал, завтра уже сможем из неё есть.

- Мечтатель. Нужно дать высохнуть, потом обжечь, - объяснил Сунь Вэньцзюй. - Хотя эта тарелка тонкая, времени уйдёт меньше.

Ближе к полуночи Сунь Вэньцзюй наконец объявил, что тарелка готова. Он взял бамбуковую палочку и лёгкими нажатиями по краю создал волнистый узор.

- Красиво, - Фан Чи, который уже начал уставать, снова оживился, наклонился и долго разглядывал тарелку, а уголки его губ сами собой растянулись в улыбке. - Это мы вместе сделали.

- Угу, - кивнул Сунь Вэньцзюй.

- Вместе, - повторил Фан Чи.

- Это первая вещь, которую мы сделали вместе, - поднял на него глаза Фан Чи.

- Да, - Сунь Вэньцзюй наклонился и поцеловал его. - Если захочешь, потом можем сделать что-нибудь посложнее.

- Давай, - Фан Чи заулыбался.

- Серьёзно? А то ты, кажется, устал, - сказал Сунь Вэньцзюй.

- Нет, если бы делал один - ни за что, а с тобой - без проблем, - ответил Фан Чи.

Сунь Вэньцзюй улыбнулся, достал из инструментов кисть. Фан Чи удивился: - Ты же говорил, что раскрашивать не будем?

- Напишу несколько иероглифов, - Сунь Вэньцзюй медленно размешивал краску. - Что бы написать...

- «Сунь Вэньцзюй принадлежит Фан Чи», - не задумываясь, выпалил Фан Чи.

Сунь Вэньцзюй рассмеялся: - Давай.

- погоди, - засмеялся Фан Чи. - А если кто-то прочитает?

- Прочитает, - уголки губ Сунь Вэньцзюя дрогнули.

Фан Чи помолчал несколько секунд, затем цыкнул: - Ладно, пусть читают. Пиши так.

Сунь Вэньцзюй ничего не ответил, взял кисть и начал выводить иероглифы на дне тарелки.

Фан Чи почувствовал, что его глаза разбегаются. Он редко видел, как Сунь Вэньцзюй пишет кистью - хотелось и следить за тем, как под кистью появляются штрихи, и разглядывать его длинные пальцы, сжимающие кисть, и наблюдать, как он, опустив веки, полностью погружается в процесс, словно отгораживаясь от всего мира...

Слишком много всего.

Фан Чи даже дышать старался тише, переводя взгляд с лица Сунь Вэньцзюя на его руки, кончик кисти, тарелку.

Когда первый иероглиф был готов, он растерялся – не смог разобрать, что это за знак.

Но он не спросил, боясь отвлечь Сунь Вэньцюя. Каждый раз, когда тот погружался в какое-то дело, Фан Чи инстинктивно затихал – ему казалось, что если помешать Сунь Вэньцюю сейчас, тот тут же стукнет его кистью по лицу.

Поскольку первый иероглиф он не разобрал, теперь он сосредоточился на кончике кисти.

Наблюдать за тем, как пишет человек с красивым почерком – одно удовольствие. Плавные, изящные штрихи, гармоничное сочетание элементов – и вот иероглиф уже готов, легко и красиво.

Хотя Фан Чи его не знал.

Но красоту он чувствовал.

Второй иероглиф он с трудом, но угадал – это был сложный вариант знака «Вэнь»

Сунь Вэньцюй действительно написал «Сунь Вэньцюй принадлежит Фан Чи», но из семи иероглифов Фан Чи смог опознать только «Вэнь» и «Ши».

Закончив последний штрих, Сунь Вэньцюй легко вздохнул и отложил кисть.

– Что это за иероглифы? – наконец осмелился спросить Фан Чи.

– Чжуаньшу (архаичный стиль каллиграфии), – ответил Сунь Вэньцюй. – Ты же хотел написать, но чтобы никто не понял? Вот и всё. Бабушка с дедушкой точно не разберут, да и среди твоих однокурсников вряд ли кто-то сходу поймёт.

Фан Чи радостно рассмеялся: – Ты правда... особенный. Совсем не такой, как все.

– Теперь ждём, пока тарелка высохнет, – Сунь Вэньцюй встал, потянулся, обнял его за шею и поцеловал. – Можно спать.

Лёжа в своей комнате, Фан Чи думал, что сегодня был просто молодец – перед сном они поцеловались, и у него даже не встал, и он не стал цепляться за Сунь Вэньцюя, не желая уходить.

Может, он устал. Или целый день провёл, глядя на Сунь Вэньцюя, и этого ему хватило...

Хотя, закрывая глаза, он понимал, что дело ещё и в том, что Сунь Вэньцюй, похоже, не хотел проявлять излишнюю близость у него дома.

Раньше он думал, что только он один так переживает, но оказалось, что даже бесшабашный Сунь Вэньцюй может вести себя осторожно.

Потому что он думал о нём.

Хотя такая реакция Сунь Вэньцюя давила на него ещё сильнее, внутри всё равно бушевала радость.

Из-за него Сунь Вэньцюй, которому всегда было всё равно, стал осторожничать.

Пролежав в постели полчаса, он так и не смог уснуть, ворочаясь, словно яичница на сковороде.

В конце концов он встал и на цыпочках вышел на крышу выкурить сигарету.

Бабушка с дедушкой уже спали, а тихо он старался быть, чтобы не разбудить Сунь Вэньцюя.

Закончив курить, он ещё немного постоял, глядя на задний двор, затем, как вор, крадучись вернулся в комнату.

Готовая тарелка стояла и ждала, пока высохнет. Фан Чи при любой возможности подходил посмотреть на неё. Каждый штрих тех иероглифов он уже запомнил наизусть – если бы ему сейчас дали кисть, он мог бы без труда повторить их.

Когда тарелка наконец высохла и её можно было отправить в электрическую печь для обжига, он в полной мере ощутил то, что, должно быть, чувствовал Сунь Вэньцюй, часами сидевший у печи в мастерской Ма Ляна.

Как она получится?

Какого цвета?

Не треснет ли из-за того, что он сделал её недостаточно профессионально?

- По-моему, ты ошибся с выбором университета, – бабушка хлопнула его по плечу, когда он смотрел, как дед возится в огороде. – Тебе бы к Водоканалу в ученики пойти, учиться тарелки обжигать.

- Да ну, – засмеялся Фан Чи. – Слишком сложные отношения получились бы.

Отец, дед, а теперь ещё и учитель – если всё это выложить, получится откровенная похабщина.

- Этой тарелкой можно будет пользоваться? – спросила бабушка.

- Можно, – кивнул Фан Чи. – Наверное... можно.

- Только она маловата, – с сожалением сказала бабушка. – С теми, что Водоканал делал раньше, в комплект не сложится.

- Она не для дома, – улыбнулся Фан Чи. – Я в университет её возьму.

- В университет? – бабушка удивлённо посмотрела на него. – Зачем тебе там тарелка?

- Не знаю, на память. Мы же с Водоканалом её вместе сделали, – ответил Фан Чи.

- Ни на что другое ты так внимания не обращал, – бабушка присела рядом. – Кажется, ты с Водоканалом даже ближе, чем с Сяо Имином.

- Они... разные, – осторожно, но в то же время смело сказал Фан Чи.

- Разные? – бабушка с любопытством повернулась к нему. – Чем?

- Сяо Имин – мой братан, – Фан Чи поднял с земли камень и начал подбрасывать его. – А Водоканал... он мне ещё ближе.

- Кто же он тогда? – не поняла бабушка.

Фан Чи подбросил камень, поймал, сжал в пальцах, прикусил губу: - Если бы Водоканал был девушкой, я бы на нём женился.

- Ой, - бабушка опешила, затем рассмеялась и шлёпнула его по спине. - Что за глупости ты несёшь.

- Не глупости, - улыбнулся Фан Чи, почувствовав, как всё тело напряглось. От бабушкиного шлепка сердце едва не выпрыгнуло у него из горла.

- Дедушка говорит, в университете тебе ещё ни одна девушка не понравилась? - спросила бабушка.

- Нет, - Фан Чи снова начал подбрасывать камень. - У нас девушек меньше, чем в других вузах.

- В не ту школу поступил, - вздохнула бабушка, затем задумалась и добавила: - Но ведь там же есть девчонки, неужели ни одна тебе не приглянулась?

- Нет, - покачал головой Фан Чи.

- Раньше-то у тебя вкус не такой привередливый был, - с лёгким презрением посмотрела на него бабушка. - С Сы Я даже в «поклонение небу и земле» играл, а она ведь страшенькая...

Фан Чи рассмеялся:

- Если бы Сы Я это услышала, она бы заплакала.

- Ну я же не в лицо ей говорю, - бабушка толкнула его локтем и понизила голос: - Ну так какой тебе нравится?

- Не знаю, - улыбнулся Фан Чи.

- Вот дам подзатыльник - сразу узнаешь, - бабушка щипнула его за руку. - Ну скажи.

Фан Чи долго молчал, затем повернулся к бабушке:

- Красивая, умеет играть на музыкальных инструментах, рисовать, каллиграфией занимается... в общем, все эти «четыре искусства»...

- Да где ж такую найдёшь! Даже если и есть такая, она на тебя и смотреть не захочет! - нахмурилась бабушка, затем вдруг отвернулась. - Разве что Водоканал подходит под это описание.

- Ага, - усмехнулся Фан Чи и швырнул камень, который держал в руке.

Малыш, который уже давно нетерпеливо ждал, лая бросился за камнем.

- Совсем безответственный, - бабушка поднялась. Дедушка собирался поливать огород, и она пошла помогать ему раскидывать шланг.

- Я вполне серьёзен, - сказал Фан Чи.

Хотя он и говорил с бабушкой в шутливом тоне, но после того, как она ушла, он почувствовал, как по спине у него пробежал холодный пот.

Лёгкий прохладный ветерок заставил его вздрогнуть.

Вернувшись в дом, он поднялся наверх и зашёл в комнату Сунь Вэньцюя. Тот стоял у электрической печи для обжига.

- Готово? - сразу спросил Фан Чи. Послезавтра начинались занятия, и завтра в полдень ему нужно было вернуться в город, чтобы успеть на вечерний автобус в университет. Времени оставалось в обрез.

- Завтра утром будет готово, - Сунь Вэньцюй погладил его по щеке. - Поговорил с бабушкой?

- Угу, - Фан Чи прижался к нему, обняв.

- О чём? - спросил Сунь Вэньцюй.

- Да так, о всяком, - Фан Чи прижался губами к его шее. - Расспрашивала про учёбу.

- А, - Сунь Вэньцюй провёл рукой по его талии. - Завтра я провожу тебя до автовокзала, но до университета не поеду.

- Не будешь же ты каждый раз меня провожать, - рассмеялся Фан Чи. - Но когда закончишь работу, обязательно приезжай ко мне.

- Хорошо, - кивнул Сунь Вэньцюй.

Фан Чи плюхнулся на стул и вздохнул:

- В следующий раз я смогу приехать только на зимние каникулы.

- Всего несколько месяцев, - сказал Сунь Вэньцюй. - Эти две недели ведь пролетели незаметно.

- Надеюсь, - Фан Чи откинул голову назад. - А ты на Новый год... домой поедешь?

- Не знаю, посмотрим, - Сунь Вэньцюй посмотрел на него. - Если нет, то поеду к Лянцзы.

Фан Чи резко выпрямился и уставился на него. Сунь Вэньцюй промолчал, и через некоторое время Фан Чи снова откинулся на спинку стула:

- Да, ты же не можешь каждый год здесь Новый год встречать.

- Мм, - Сунь Вэньцюй подошёл к нему сзади, взял его лицо в ладони и наклонился. - Пока мы не подготовим почву, нельзя допускать ошибок, иначе окажемся в сложном положении.

- Я знаю, - сказал Фан Чи. - Но когда я решу эту проблему, ты должен будешь приезжать сюда на Новый год. Каждый год.

- Хорошо, - улыбнулся Сунь Вэньцюй.

Тарелка получилась даже лучше, чем Фан Чи ожидал: ни трещин, ни сколов.

Он держал её в руках, разглядывая надпись на дне, и довольно хихикал:

- Смотри, это же не просто тарелка, а произведение искусства.

- Значит, ты теперь художник, да? - усмехнулась бабушка.

- Наполовину, - невозмутимо кивнул Фан Чи.

- Если бы не Водоканал, ты бы просто кучу черепков на обжигал, - дедушка взял тарелку и осмотрел её. - Закопал бы их в землю, через десять лет откопал и на рынке продал бы как антиквариат.

- Дедуля, да ты знаток! - рассмеялся Фан Чи.

- Если бы в молодости твоя бабка мне не села на шею, я бы с ребятами этим занялся, - захихикал дедушка.

- Кто кому на шею сел?! - возмутилась бабушка. - Вот ведь, старый, а ещё не в маразме, а уже историю переписывает!

Фан Чи обнял бабушку за плечи:

- Бабуль, это сейчас называется не «маразм», а...

- А тебе-то что! - фыркнула бабушка. - Иди собирай вещи, а то опоздаешь в университет!

Вещи были уже собраны: летнюю одежду он привёз домой, а теперь взял с собой осеннюю и зимнюю. Для тарелки Фан Чи нашёл коробку из-под обуви, аккуратно завернул её в одежду и уложил внутрь.

- После обжига она не такая хрупкая, - Сунь Вэньцуй усмехнулся, глядя на коробку.

- Это семейная реликвия, - заявил Фан Чи. - С самого начала нужно хранить её правильно.

- И кому ты её передашь? - машинально спросил Сунь Вэньцуй и сразу замолчал.

- Если подберём какого-нибудь ребёнка, то ему, - рассмеялся Фан Чи. - А если нет... тогда возьму с собой, когда умру.

Сунь Вэньцуй прикрыл дверь ногой, подошёл к нему и поцеловал.

Когда они уезжали в город на машине, дедушка держал Малыша, не давая ему бежать за ними. Пёс отчаянно лаял, и его лай был слышен даже когда они уже отъехали далеко.

- Чёрт, каждый раз, когда я не хочу грустить, этот пёс меня расстраивает, - Фан Чи вздохнул, сидя на пассажирском сиденье.

- На Новый год вернёшься, ничего страшного, - сказал Сунь Вэньцуй.

- Я привезу тебе что-нибудь местное, - задумался Фан Чи. - Хотя не знаю, что именно... мы же живём недалеко, наверное, всё то же самое...

- Привезешь? А разве я не должен тебя встречать на зимних каникулах? - спросил Сунь Вэньцуй.

- Должен! - сразу ответил Фан Чи. - Обязательно должен!

У Фан Чи было немного багажа - всего один чемодан и коробка из-под обуви в руках.

Сунь Вэньцуй не мог сдержать улыбку:

- Ты бы хоть коробку попримечнее нашёл, не от беговых кроссовок или трекинговых ботинок, а от «старо пекинских» туфель.

- Она как раз подходящего размера, - Фан Чи посмотрел на коробку и тоже рассмеялся. - Я их деду купил.

- В автобусе не держи её на руках, а то спать будешь, - сказал Сунь Вэньцуй. - Так и норовят что-нибудь стащить.

- Ну, я пошёл, - Фан Чи сжал его руку. - Как приеду в университет, позвоню.

- Хорошо, - кивнул Сунь Вэньцуй.

Он развернулся и ушёл, только когда Фан Чи, оборачиваясь через каждые три шага, скрылся в здании вокзала.

По дороге к Ма Ляну он заехал помыть машину и позвонил ему, чтобы поужинать вместе.

- Где-нибудь в кафе? - спросил Ма Лян.

- Пусть твоя жена купит что-нибудь домой, - сказал Сунь Вэньцуй. - Скоро работа, не хочу есть в городе.

- Ладно, - ответил Ма Лян. - Ску-скучаешь, да?

Сунь Вэньцуй рассмеялся:

- Ты завидуешь?

- За-завидую, - сказал Ма Лян. - Сколько лет мы дру-дружили, а теперь нас раз-разлучили.

- Да брось, нас с тобой твоя жена разлучила первой, - усмехнулся Сунь Вэньцуй.

- Точно, - серьёзно сказал Ма Лян. - Пусть се-сегодня готовит что-нибудь вкусное в наказание.

- Отличная идея, - засмеялся Сунь Вэньцуй.

Когда он подъехал к перекрёстку возле мастерской Ма Ляна, то увидел Ху Юаньюань, ту самую, которая «разлучила» их с Ма Ляном, идущую за продуктами «в наказание».

- Эй, тётка... - он опустил стекло.

- Кого тёткой назвал?! - Ху Юаньюань даже не повернулась, как сразу возмутилась. Увидев его, она подняла бровь: - О, это же парень моего племянника! Какая я тебе тётка, зови тётей!

- Садись, - рассмеялся Сунь Вэньцуй.

- Фан Чи уехал? - Ху Юаньюань села в машину.

- Угу, к ужину наверное уже доедет, - сказал Сунь Вэньцуй.

- Я думала, ты у него дома на пару дней заскочишь, - сказала Ху Юаньюань. - А ты там почти неделю просидел. Не боишься, что родные что-то заподозрят?

- Да, не стоило так задерживаться, - вздохнул Сунь Вэньцуй.

- Ого, - Ху Юаньюань посмотрела на него. - Думала, ты скажешь «да пофиг».

Сунь Вэньцуй улыбнулся.

- Значит, всё серьёзно, - Ху Юаньюань подняла пакет с продуктами. - Когда разберётесь с вашими делами, приготовлю вам праздничный ужин.

В мастерской никого не было - сегодня Ма Лян никого не задерживал на сверхурочные. Печь для обжига запустят через несколько дней, пока дел было немного.

- Подобрал мою же-жену по дороге? - спросил он, увидев выходящую из машины Ху Юаньюань.

- Ага, - Сунь Вэньцуй раскрыл объятия. - Соскучился?

- Соскучился, - Ма Лян охотно обнял его.

- Лянцзы, ты вино купил? - спросила Ху Юаньюань, направляясь на кухню.

- Купил, - ответил Ма Лян, обняв Сунь Вэньцюя за плечи и заведя в дом. - Слушай, есть дело.

- Какое? - Сунь Вэньцуй налил себе воды и посмотрел на Ма Ляна.

Тот потряс телефоном:

- Твой сын только что мне поз-звонил.

- Он тебе звонил? - Сунь Вэньцуй удивился.

- Угу, просил сохранить в та-тайне, - сказал Ма Лян. - Я тебе рассказываю, но ты меня не подведи.

- Конечно, - улыбнулся Сунь Вэньцуй. - О чём он?

- Ли Бовэнь собирается за-заниматься агротуризмом, - сказал Ма Лян. - Он просил меня сообщить ему.

- Сообщить ему? Он бы у меня спросил. Ты же всё равно мне расскажешь, - сказал Сунь Вэньцуй.

- Он сказал, что тебе об этом тоже не надо го-говорить, - пояснил Ма Лян.

- То есть, когда Ли Бовэнь будет заниматься агротуризмом, ты должен сообщить только ему, а мне нет? - переспросил Сунь Вэньцуй.

- Ага, - кивнул Ма Лян.

- Он что, хочет... - Сунь Вэньцуй плюхнулся на диван и прищурился. Похоже, Фан Чи решил разобраться со всем самостоятельно.

Ну ты даёшь.

<http://bllate.org/book/14411/1274186>